

Свербеев Дмитрий Николаевич

**Записки Дмитрия
Николаевича Свербеева
1799-1826**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Николаевич С.**
Записки Дмитрия Николаевича Свербеева 1799-1826: Том 2 / Свербеев
Дмитрий Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 438 с.

ISBN 978-5-519-84997-5

ISBN 978-5-519-84997-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ouchy въ Evian; тутъ отъ швейцарскаго до савойскаго берега самое широкое мѣсто на всемъ протяженіи озера, два французскихъ льё, или 8 верстъ. Когда нѣтъ противнаго вѣтра, привычные лодочники перевозятъ васъ въ одинъ часъ. Мои остзейцы и англичане взялись править лодкой и грести сами; запаслись провизіей, разными лакомствами и, конечно, не забыли взять съ собою около дюжины бутылокъ; онѣ то чуть насъ всѣхъ и не погубили. Только что мы отплыли изъ маленькаго порта Ouchy, англичане предложили свой обычный тостъ и затянули «God save the king»; мы выпили, запѣли потомъ «Rule Britania»; нѣмцы начали потомъ славить свое германское отечество и пѣть торжественныя пѣсни Шиллера и Кернера; мнѣ, единственному русскому, на мою долю не было никакого народнаго гимна. Гимнъ Жуковскаго уже существовалъ, но еще не былъ переложень Львовымъ на особенныя ноты, а пѣлся какъ англійскій «God save the king», и звуками, русскому уху чуждыми, встрѣчали Благословеннаго Александра на военныхъ парадахъ и всѣхъ возможныхъ торжествахъ и пиршествахъ, даваемыхъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ въ честь государя. Отъ тостовъ за родину перешли къ здоровьямъ за родныхъ и милыхъ сердцу, а какъ у каждаго изъ насъ было много родни и, по крайней мѣрѣ, по одной сердечной, то и послѣдовала порядочная попойка. Кормчіе и гребцы перепились. Порывъ вѣтра сорвалъ парусъ, а у гребцовъ то терялись, то ломались весла. Долго носились мы по озеру, которое начало порядочно волноваться, на гребцовъ нашелъ страхъ, и почти вѣрное ожиданіе смерти ихъ внезапно отрезвило. Кое-какъ добрались мы до савойскаго берега, но уже не къ Evian,

нашей цѣли, а къ пристани городка Тонона, на цѣлое
лѣ ниже перваго. Напуганные и перемокшіе, мы тамъ
ночевали.

Наконецъ, посланы были ожидаемыя мною деньги,
и я, не прибѣгая къ займу у славнаго моего ирланд-
ца, собрался въ дальнюю дорогу. Въ Женевѣ зака-
залъ я у каретника Törfer'a, родившагося и долго
жившаго въ Петербургѣ и бойко говорившаго по-
русски, очень хорошую четверомѣстную коляску, но
нарочно безъ кучерскихъ козелъ. Я придумалъ, что
возница, кучеръ или почтальонъ, могутъ править по-
польски съ коня, т.-е. верхомъ на дышловой лошади,
и что мнѣ такимъ образомъ удобнѣе будетъ видѣть
всю дорогу. Въ такихъ коляскахъ безъ козелъ часто
встрѣчались мнѣ путешествующіе по Швейцаріи
англичане. Въ Женевѣ, кажется, тотъ же Törfer при-
искалъ мнѣ слугу, какого-то швейцарца одного изъ
нѣмецкихъ кантоновъ, по имени Цеймера, говори-
вшаго бойко на трехъ или четырехъ языкахъ и ни на
одномъ, кромѣ своего швейцарскаго нарѣчія, правиль-
но. Этотъ Цеймеръ, лѣтъ 40, долго служилъ солда-
томъ во французской арміи, былъ въ итальянскомъ
походѣ въ войскахъ Наполеона еще до его консуль-
ства, участвовалъ и въ египетской экспедиціи и, вы-
шедъ въ отставку, нанимался то курьеромъ, то ла-
кеемъ у богатыхъ семейныхъ англичанъ. Ему попра-
вилась, какъ страстному путешественнику, мысль по-
бывать и въ Россіи, и онъ за умѣренную цѣну по-
шелъ ко мнѣ въ услуженіе. Скоро открылъ я въ немъ
рѣдкую нѣмецкую честность, непримѣрное усердіе
къ своему хозяину и какую-то смѣшную, слезливую
чувствительность. Подозрѣвая вездѣ обманъ и наду-
вательство, онъ раздражался до слезъ и часто съ пла-

чемъ говорилъ мнѣ о несправедливыхъ притязаніяхъ то какого-нибудь трактирщика, то почтальона. Иногда своими горькими жалобами выводилъ онъ меня изъ терпѣнія и, успокоивая его нервы, я типетно повторялъ ему извѣстныя слова Талейрана: «*pas trop de zèle*».

Въ новой красивой коляскѣ со слугой и на тройкѣ почтовыхъ лошадей явился я по дорогѣ на Бернъ опять въ Лозаннѣ и уже совсѣмъ въ другомъ видѣ, какимъ-то русскимъ богатымъ барченкомъ, а не тѣмъ скромнымъ пансіонеромъ-юношей, какимъ проживалъ въ пансіонѣ *Chattelalain* болѣе 3-хъ мѣсяцевъ. Въмѣсто прежняго скромнаго моего помѣщенія въ лозанскомъ между двухъ горъ ущельи у мостика и небольшой мельницы, гдѣ былъ пансіонъ *Chattelalain*, остановился я въ первой тогдашней въ Лозаннѣ гостиницѣ *au Faucon* и прожилъ тутъ дня три или четыре, чтобы проститься съ тамошними моими знакомыми; меня тамъ любили и на прощанье приглашали къ обѣдамъ. Сперва провелъ я половину дня у генерала Лагарпа, который пригласилъ и мнѣ знакомаго лозанца барона *de Puget*, бывшаго еще во времена Павла однимъ изъ наставниковъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Эти царскіе воспитатели, Лагарпъ и Пюже, были во всемъ противоположны. Насколько первый былъ высоко образованъ, геніаленъ, дѣятеленъ и воспріимчивъ, несмотря на свою старость, и въ то же время простъ въ обращеніи, настолько второй былъ пошлъ, пусть, глупъ и напыщенъ своимъ баронскимъ достоинствомъ. Я не могъ, сколько мнѣ ни хотѣлось, узнать, какимъ чудомъ попалъ этотъ бездарный и безродный лозанскій буржуа въ воспитатели сыновей Павла, но мнѣ расска-

зали смѣшныя подробности пожалованія его въ русскіе бароны. Раннимъ туманнымъ петербургскимъ утромъ нечаянно попался онъ въ Зимнемъ дворцѣ на глаза своенравному императору. Государь принялъ его за другого и встрѣтилъ словами: «Bonjour, baron». Ловкій швейцарецъ всталъ тутъ же на оба колѣна и протянулъ свои обѣ длани, чтобы облобызать царскую десницу въ знакъ признательности за неожиданное возвышеніе. «Ce qui est dit, est dit»,—изрекъ императоръ и далъ новоотпечатанному барону поцѣловать свою руку. Возвратясь на родину, баронъ Puget по тамошнему обычаю не могъ пользоваться своимъ титуломъ, ни даже украшать свою толстую шею Аннинскимъ крестомъ 2-й степени. Никто изъ швейцарцевъ не имѣлъ по закону и обычаю права носить ордена и пользоваться аристократическимъ титуломъ, хотя многіе изъ нихъ были графами и баронами еще со времени крестовыхъ походовъ. Чтобы пощеголять своимъ крестомъ и похвалиться своимъ баронствомъ, жалкій Puget часто отправлялся въ сосѣдную Савойю и, переплывъ озеро, съ перваго шага за границу надѣвалъ на себя крестъ и въ каждомъ трактирѣ расписывался барономъ.

На другой день послѣ моего съ нимъ обѣда у Лагарпа позвалъ онъ меня къ себѣ и для меня пригласилъ вмѣстѣ съ Лагарпомъ нашего знаменитаго генерала, барона Жюмини, и одного харьковского профессора m-r de Gour, перекрестившаго себя въ чисто русскаго Дегурова, который путешествовалъ на счетъ правительства для обозрѣнія ученыхъ учреждений и, если не ошибаюсь, тюремъ и госпиталей. У Puget былъ свой небольшой, красиво устроенный домъ въ rue du Bourg съ террасой на великолѣпное озеро и вос-

хитительныя его окрестности. Я съ понятнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на нашего генералъ - адъютанта Жомини, извѣстнаго тактика и уважаемаго во всей Европѣ военнаго французскаго писателя. У насъ въ Россіи былъ онъ въ большой чести, въ милости у трехъ императоровъ; нынѣ царствующему давалъ онъ уроки военныхъ наукъ и года за три до недавней своей кончины, уже въ глубокой старости, получить отъ своего ученика, императора Александра, пріѣхавшаго на парижскую выставку, Андреевскую ленту. Во Франціи Жомини ненавидѣли, въ Германіи презирали, въ Швейцаріи едва терпѣли,—и все это не даромъ. Всѣ знаютъ, какъ Жомини передъ началомъ лейпцигскаго сраженія бѣжалъ изъ французской арміи, гдѣ былъ однимъ изъ отличныхъ ученыхъ квартирмейстеровъ, и перешелъ въ русскую службу, измѣннически представивъ государю всѣ секретныя бумажки по своей части. Онъ былъ родомъ изъ мѣстечка Раіернъ и родился въ какомъ-то мѣщанскомъ семействѣ. Ни одинъ изъ швейцарскихъ патриціевъ не пускалъ его за порогъ своего дома. Въ вечерней, послѣобѣденной бесѣдѣ, разставаясь послѣдній разъ съ Лагарпомъ на террасѣ дома Puget, въ виду заходящаго въ лазурныя волны солнца, я пораженъ былъ пророческими словами ко мнѣ Лагарпа. Всѣ разсуждали тогда о Польшѣ, о возникавшихъ въ Варшавѣ противъ насъ неудовольствіяхъ, о крупныхъ и мелкихъ нарушеніяхъ данной ей въ 1815 году конституціи, о придиркахъ къ полякамъ цесаревича Константина и т. д. Возбужденный, взволнованный такими разговорами Лагарпъ всталъ съ креселъ, взялъ меня подъ руку и тихо сказалъ мнѣ: «Вы еще, мой милый, очень молоды, но знайте, что польскія смуты переживутъ васъ, вашихъ

дѣтей и даже вѣйшихъ внуковъ. Никто изъ трехъ поколѣній не увидитъ ихъ конца, и кровавые мятежи противъ Россіи убитой Польшы будутъ продолжаться долго, долго». Онъ пожалъ мнѣ крѣпко руку, и тутъ простился я съ нимъ, хозяиномъ и другими гостями.

На другой день обѣдать я у швейцарскаго полковника Guigerd de Prangin на его маленькой подгородной дачѣ, на третій и послѣдній день моего пребыванія въ Лозаннѣ шумно и пьяно пировалъ я въ пансіонѣ Chattelalain и, перецѣловавъ всѣхъ хозяевъ, сопровождаемый товарищами пансіонерами въ Hôtel de Fauson, съ полными бокалами, распростился и съ ними.

Я уже, кажется, говорилъ въ моихъ «Запискахъ», что въ это давно прошедшее время, кромѣ какъ въ тѣсныхъ, душныхъ и безобразныхъ дилижансахъ, никакого другого почтоваго сообщенія не было по всей Швейцаріи. Существовала только для частныхъ экипажей почта по большой шоссейной дорогѣ въ Италію, до подошвы горы Симплонъ. Мнѣ пришлось, какъ приходилось и всѣмъ странствующимъ по Швейцаріи въ своихъ экипажахъ, взять изъ Лозанны лонъ-кучера; оттуда до Берна везли больше шагомъ, чѣмъ рысью, болѣе полутора сутокъ, и непременно по дорогѣ гдѣ-нибудь ночевали, либо въ Пайернѣ, либо въ Булонѣ. Такъ было и со мной. Столько же времени употребилъ я на дорогу въ Базель изъ Берна, за то изъ послѣдняго города утромъ пустился я до Франкфурта и проспалъ Гейдельбергъ, поглазѣвъ по дорогѣ на красивыя и большія столицы германскихъ владѣтелей, Карлсруэ и Дармштадтъ. Далѣе осмотрѣлъ я дворецъ и садъ въ Мангеймѣ, нѣсколько дней отдалъ я Франкфурту, быть у банкира Бетмана, любовался принадле-

жащей ему статуей Ариадны знаменитаго ваятеля Данскера и обѣдать у нашего посланника барона Анштедта, который долго находился дипломатическимъ чиновникомъ нашей главной квартиры во время кампаніи 1813—14 годовъ и только одинъ изъ всей свиты императора Александра въ состояніи былъ прочесть и перевести какую-то грамоту папы на латинскомъ языкѣ, тайно имъ присланную изъ своего заточенія императору Александру. Анштедтъ въ это время былъ главнымъ представителемъ при германскомъ сеймѣ, довольно успѣшно боролся съ либеральными нѣмцами, грозившими возстаніемъ противъ священнаго союза, и, кромѣ того, отличался своими гастрономическими обѣдами. Онъ былъ радушенъ со мною и угощалъ меня на славу.

Этотъ обѣдъ памятенъ мнѣ не однимъ угощеніемъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ скучныхъ рѣдкою сдержанностью и какою-то неловкостью для хозяевъ и сообѣдниковъ. Всѣхъ насъ было 8 человекъ. Мнѣ уже свѣдомы были тогда заграничные обычаи: являться къ званому да и ко всякому обѣду не ранѣе, какъ за четверть часа до назначеннаго хозяйномъ времени и никакъ не позже, чѣмъ за 10 мин. Войдя въ гостиную министра, одѣтый какъ слѣдовало, въ бѣломъ пальто и башмакахъ, я представленъ былъ хозяйномъ его женѣ. Анштедтъ былъ женатъ на какой-то невзрачной среднѣхъ лѣтъ нѣмкѣ, не отличавшейся ни изящными манерами, ни нарядомъ, ни наружностью. Она была, какъ видно, простая, добрая женщина и встрѣтила меня съ нѣмецкимъ радушіемъ и на французскомъ, конечно, языкѣ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Кромѣ хозяевъ, была еще юная русская чета, удивившая меня небрежностью своихъ костюмовъ:

небольшого роста молодой человекъ, съ грубой физиономіей и плотнымъ станомъ, былъ въ сюртукѣ и черномъ галстукѣ, юная его супруга, живая собой, очень красивая и немного жеманная, одѣта была также слишкомъ просто, какъ будто въ одномъ изъ своихъ дорожныхъ платьевъ. Хозяева, напротивъ, были въ парадѣ, а самъ посланникъ даже при звѣздѣ; трое чиновниковъ нашей миссіи тоже были одѣты какъ слѣдуетъ. Нахмуренный Анштедтъ познакомилъ меня со всѣми. Послѣ изысканнаго обѣда секретарь посольства, Маркеловъ, разсказалъ мнѣ странное поведеніе нашихъ знакомыхъ путешественниковъ. Отдавая визитъ одному изъ своихъ знакомыхъ, Анштедтъ пригласилъ его съ женой на этотъ обѣдъ. Трудно повѣрить, чтобы они не знали о существованіи жены министра. Не сдѣлавъ ей визита, явились они прямо къ обѣду въ описанныхъ мною костюмахъ за часъ до обѣденнаго времени. Такимъ нарушеніемъ всѣхъ европейскихъ приличій испортили они весь обѣдъ хозяевамъ; имъ самимъ, да и всѣмъ намъ было до крайности неловко. Какъ, однако, долго длилось наше азіатское невѣжество въ нравахъ и обычаяхъ! Лѣтъ черезъ 5 послѣ оно повторилось на моихъ глазахъ въ томъ же самомъ видѣ и при такомъ же случаѣ. Я разскажу его въ свое время. Теперь все, къ счастью, измѣнилось, кромѣ одного страннаго убѣжденія всей массы русскихъ, скачущей по Европѣ, что представители Россіи за границей непременно должны быть ихъ трактирщиками, точно такъ же, какъ на родной почвѣ губернскія власти и мѣстные дворяне всегда расчитываютъ на почти обязательное гостепріимство уѣздныхъ предводителей.

За немѣніемъ мундира я не послѣдовалъ совѣту

Анштедта—представиться въ Веймарѣ нашей великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, а потому и ничего не видать въ этомъ городѣ, первую рѣдкостью котораго былъ постоянно обитавшій тамъ великій Гёте.

Въ Лейпцигѣ наѣхалъ я на знаменитую ярмарку, гдѣ на площадяхъ и въ гостиницахъ толпилось разнородное кунечество, и я въ то время встрѣтилъ на троечныхъ телегахъ нашихъ долгихъ русскихъ извозчиковъ, пріѣзжавшихъ на ярмарку за товарами изъ Москвы и Харькова.

За *table d'hôte* въ гостиницѣ, гдѣ я останавливался, встрѣтилъ я нѣсколько русскихъ купцовъ и еще болѣе ижидовъ изъ нашихъ польскихъ губерній. На площадяхъ и улицахъ много было разныхъ балагановъ со всякаго рода фокусами и акробатами; построенныя для ихъ представленій временныя зданія ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ, какія бывали на Святой недѣлѣ у насъ подъ Новинскимъ.

По дорогѣ къ Дрездену осмотрѣлъ я въ Мейсенѣ знаменитую фарфоровую фабрику. Въ столицѣ миловидной Саксоніи остановился я въ *Hôtel de Saxe*.

Тогдашній Дрезденъ за полвѣка до нынѣшняго долженъ былъ болѣе нравиться иностранцамъ. Онъ, менѣе обширный, былъ чистенькій, красивый городокъ, не закопченный еще вѣчными надъ нимъ парами каменнаго угля, и тогда славился уже онъ своею капеллою придворной католической церкви и своею оперой, но не въ томъ великолѣпномъ зданіи театра, которое построено было гораздо позже и сгорѣло въ два часа времени на моихъ глазахъ, въ сентябрѣ 1869 года. И въ церкви, и въ оперѣ я съ любопытствомъ глядѣлъ на стараго Фридриха-Августа, саксонскаго короля, единаго вѣрнаго союзника Наполеона, который

такъ долго и такъ много вытерпѣлъ бѣдъ отъ другихъ, возставшихъ за свободу Германіи и ея властителей. Пруссійскій король настаивалъ на совершенномъ уничтоженіи саксонскаго королевства, а за измѣну интересамъ Германіи ея короля домогался присоединенія всей страны къ Пруссіи. Австрія на это соглашалась; великодушный Александръ, въ самомъ началѣ войны согласившійся на изгнаніе изъ Саксоніи Фридриха-Августа и назначившій генераль-губернаторомъ Дрездена князя Репнина, одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ, убѣдилъ своихъ союзниковъ возвратить изгнаннику его древнія права. Согбенный, добрый старецъ, на лицѣ котораго видны были слѣды великаго горя, искренно былъ любимъ своимъ народомъ и особенно жителями столицы, часто являлся между ними то въ церкви, то въ театрѣ, то въ загородныхъ своихъ садахъ Пильница, куда по воскресеньямъ гостепріимно допускались всѣ безъ различія и безъ полиціи, ярко выставлялся онъ имъ въ какомъ-то страннаго покроя и еще болѣе цвѣта желтомъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, въ пудрѣ съ косою и бѣлками.—Всѣмъ извѣстна славная дрезденская картинная галлерей. Я не знатокъ и не охотникъ до картинъ, но дрезденскую Мадонну, ночь Корреджіо и картину Спасителя съ монетою увидалъ черезъ 50 лѣтъ послѣ этого путешествія какъ старыхъ знакомыхъ, художественное впечатлѣніе отъ которыхъ хранилось во мнѣ какъ лучшее воспоминаніе моей юности.

Въ Дрезденѣ былъ и обѣдалъ я у нашего посланника, престарѣлаго Василя Васильевича Ханыкова, который застылъ отъ лѣтъ и казался тощимъ и сухопарымъ скелетомъ Екатерининскихъ временъ. Въ прежнее время отличался онъ своею свѣтскою любезностью,